

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ

ТРЕТИЙ ГОД

388-е и 389-е заседания • 22 декабря 1948 года

№ 132

ЛЕЙК СОКСЕС, НЬЮ-ЙОРК

СОДЕРЖАНИЕ

Триста восемьдесят восьмое заседание

	Стр.
1. Предварительная повестка дня	1
2. Утверждение повестки дня	1
3. Продолжение обсуждения индонезийского вопроса	1

Триста восемьдесят девятое заседание

4. Продолжение обсуждения индонезийского вопроса	14
--	----

Документы, относящиеся к отчетам заседаний Совета Безопасности, но не приводимые в них полностью, печатаются в ежемесячных дополнениях к *Официальным отчетам*.

Все документы Организации Объединенных Наций обозначаются условными знаками, состоящими из заглавных букв и цифр. Когда такой условный знак встречается в тексте, он означает ссылку на один из документов Организации Объединенных Наций.

ТРИСТА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*Состоялось в среду 22 декабря 1948 года
в 10 ч. 30 м. дня в Палэ де Шайо, Париж.*

Председатель: Фернанд ван ЛАНГЕНХОВЕ
(Бельгия).

*Присутствуют представители следующих
стран:* Аргентины, Бельгии, Канады, Китая,
Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства,
Соединенных Штатов Америки, Союза Советских
Социалистических Республик и Франции.

1. Предварительная повестка дня (S/Agenda 388)

1. Утверждение повестки дня.
2. Индонезийский вопрос:
 - а) Письмо заместителя представителя Соединенных Штатов в Совете Безопасности (S/1128) от 19 декабря;
 - б) Специальный доклад Комитета добрых услуг по индонезийскому вопросу (S/1117);
 - в) Дополнительный доклад Комитета добрых услуг по индонезийскому вопросу (S/1129 и S/1129/Add.1).

2. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

3. Продолжение обсуждения индонезийского вопроса

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*):
Прошу представителей Австралии, Индии, Нидерландов, Филиппин и Индонезийской Республики занять места за столом Совета.

Представитель Австралии полковник Ходжсон, представитель Индии М. Десай, представитель Нидерландов Я. Х. ван Ройен, представитель Филиппин Х. Инлес и представитель Индонезийской Республики Л. Н. Палар занимают места за столом Совета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*):
Начиная с понедельника, членам Совета Безопасности был роздан ряд документов. Дополнительные документы в настоящее время воспроизводятся и будут розданы в течение дня.

Я. Х. ван РОЙЕН (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Мое правительство поручило мне сделать следующее заявление до начала обсуждения пункта, стоящего на повестке дня:

В последнем заявлении премьер-министра Нидерландов, единогласно поддержанном всеми членами парламента за исключением членов коммунистической партии, вновь подчеркивалось, что в своей политике в Индонезии Нидерланды стремятся и будут стремиться к предоставлению Индонезии свободы в целях создания суверенной Индонезийской федерации — добровольно и на равных началах связанной с Нидерландским королевством в Нидерландско-Индонезийский Союз. Принципы этой политики подтверждаются Лингаджатским¹ и Ренвильским соглашениями [S/649, приложения XIII и VIII]. Эти принципы следующие: во-первых, обеспечение независимости индонезийского народа, во-вторых, обеспечение сотрудничества между народами Нидерландов и Индонезии, в-третьих — создание суверенного государства на федеральной основе, с конституцией, выработанной согласно принципам демократии, и в-четвертых — союз между Соединенными Штатами Индонезии и другими частями Нидерландского королевства под эгидой нидерландской короны.

Нидерландскому правительству препятствует в его усилиях, в течение довольно долгого времени, отсутствие сотрудничества со стороны некоторых крайних групп Республики, но оно всеми имеющимися в его распоряжении средствами будет стремиться к установлению нового конституционного строя в возможно скором времени.

В сотрудничестве с представителями различных частей Индонезии правительство предприняло энергичные шаги для создания временного федерального правительства Индонезии. 18 декабря нидерландское правительство издало особый декрет, в котором подробно излагаются меры, необходимые для создания органов, являющихся частью будущей организации Соединенных Штатов Индонезии. Согласно статье 2 дополнительных Ренвильских принципов [S/649, приложение VIII], всем территориям было предложено «справедливое представительство» в этих органах, а в особой статье вышеупомянутого декрета предусматривается также эта возможность в отношении тех районов, которые до сих пор отказывались от сотрудничества с нидерландским правительством.

Правительство Нидерландов будет добросовестно и решительно преследовать эту цель. Предпринятая акция направлена лишь к тому, чтобы очистить известные районы Центральной Явы и Суматры от безответственных и крайних элементов. Законность и порядок необходимы для обеспечения подлинной свободы выражения мысли и для того, чтобы обеспечить всему населению Ин-

¹ «Политические события в Индонезийской Республике». Нидерландское информационное бюро, Нью-Йорк, стр. 34.

донезии возможность свободно вынести решение относительно будущего статуса страны.

Нидерландское правительство намерено беспрерывно держать Совет Безопасности в курсе достигнутого прогресса в деле создания суверенных и независимых Соединенных Штатов Индонезии, которые, быть может, вскоре займут принадлежащее им место среди суверенных членов Организации Объединенных Наций.

Таково заявление, которое мое правительство поручило мне сделать в Совете Безопасности до открытия полных прений по этому вопросу.

Сегодня перед Советом Безопасности стоит трагический вопрос об окончательном перерыве переговоров между Нидерландами и Индонезийской Республикой, — переговоров, которые так долго велись с бесконечным терпением и энергией и на которые Комитет добрых услуг затратил более года усиленной работы, а также вопрос о том, что нидерландское правительство наконец убедилось в необходимости принять меры для прекращения беспорядка в республиканской части Индонезии.

Прежде чем я подробно изложу Совету историю этих печальных событий, мне кажется необходимым в самом же начале разъяснить одно основное недоразумение, каждый раз вносящее путаницу в обсуждение индонезийского вопроса.

Для того, чтобы разобраться в этом деле необходимо отдать себе отчет в том, что конфликт с Индонезийской Республикой происходит не по вопросу о том, согласны ли Нидерланды предоставить Индонезии суверенитет и независимость. Этот вопрос окончательно решен в положительном смысле. Но часто приходится слышать, что об этом конфликте говорят как о борьбе индонезийского народа за свою независимость, и против страны, цепляющейся за свое господствующее положение и отказывающейся предоставить ему независимость. Эта версия столь же неправильна, сколь и наивна.

На деле, два года тому назад в Лингаджати Нидерланды взяли на себя обязательство сотрудничать в деле быстрого создания суверенных Соединенных Штатов Индонезии. Это обещание было повторено около года тому назад в Ренвильских принципах, а после того было включено в нашу измененную конституцию и подтверждено в соглашении с индонезийскими лидерами в нереспубликанских районах Федерации.

Ныне, хотя и оказалось невозможным прийти к соглашению с Республикой, Нидерланды все же связаны своим обязательством предоставить независимость той части Индонезии, которая находится под их управлением, и выполнять свое обязательство. В чем же тогда, спросят многие, заключается спорный вопрос, который, повидимому, так трудно разрешить? Этот вопрос заключается в том, начнут ли независимые Соединенные Штаты Индонезии свое существование при условиях, гарантирующих составным частям этих штатов и их гражданам свободу от всякого господства меньшинства, то-есть при условиях, которые будут способствовать поддержанию дружественной и экономически выгодной связи с демократическими странами мира, или же с самого начала Соединенные Штаты Индонезии будут возглавляться определенным меньшинством, полностью игнорирующим демократические права и привилегии граждан и автономные права других расовых или областных групп, — меньшинством, находящимся под сильным влиянием крайних партий.

Другими словами, выбор был между быстрым, но закономерным переходом к новому государственному строю — и революцией; между федерализмом и унитарной организацией власти; между постоянным сотрудничеством с демократическим миром и сильным влиянием со стороны экстремистов; между демократическим равенством групп и диктатурой доминирующего меньшинства. Это не только точка зрения Нидерландов, но также точка зрения миллионов индонезийцев, которые в настоящее время, под именем федералистов, борются за создание федеративных Соединенных Штатов Индонезии.

Республика дважды обещала сотрудничать в деле образования федерального правительства, но она ничего не сделала для того, чтобы подготовить свое население к этому образу действий. Напротив, в публичных выступлениях представители Республики никогда не переставали превозносить принципы прямо противоположные данному ими обещанию. Нисколько не удивительно, что эти выступления постоянно вызывают беспокойство как в Нидерландах, так и среди федералистов.

Согласно Ренвильскому соглашению Республика также обязалась соблюдать условия перемирия и дружески сотрудничать с Нидерландами в Нидерландско-Индонезийском союзе. Однако, как я покажу далее, Республика упорно и все чаще нарушала условия перемирия. Эти нарушения становились все более злобными на фоне непрекращающейся пропаганды со стороны Республики. В то время как печать и радио Нидерландов никогда не пытались возбудить ненависть к Республике, Республика никогда не переставала провозглашать Нидерланды общественным врагом номер один. В течение ряда лет в радиопередачах из Джокьякарты почти ежедневно объявлялось, что нидерландцы и все те, кто сотрудничают с ними, должны быть убиты или иным путем ликвидированы. Даже генералы республиканской армии, как например, генерал Сутомо и генерал Мустопо, повинны в подобных заявлениях.

Ясно, что Республика ни в какой мере не пыталась подготовить свое население к восстановлению дружественных отношений с Нидерландами. Само собой разумеется, что правительство, последовательно проводящее такую пропаганду всегда в одном и том же направлении, не может воспрепятствовать своей собственной армии и своему населению поступать в соответствии с такой пропагандой, что приводит к тому, что в пределах Республики постоянно преобладают элементы, ведущие пропаганду за продолжение вооруженных нападений на голландцев.

В подтверждение этого заявления я хочу дать краткий обзор того, что произошло в течение прошлого года. 17 января 1948 г. на борту *Ренвилля* было подписано соглашение о перемирии [S/649, приложение XI], в пункте 7 которого стороны согласились «запретить саботаж, запугивание, репрессалии и другие подобные действия, направленные против отдельных лиц, групп лиц и имущества, включая уничтожение имущества любого рода...»

Обе стороны, кроме того, взяли на себя обязательство «воздерживаться от радиопередач и другой пропаганды, имеющей целью провоцировать войска или граждан или нарушить порядок».

В самый день подписания Ренвильского соглашения, в 9 ч. вечера, командующий нидерландской армией передал по радио призыв к

войскам строго соблюдать эти условия перемирия и заявил: «Я уверен, что вы поймете, что начинается новая эра и что, руководствуясь этим, вы будете продолжать выполнять свой долг».

С другой стороны, 25 января 1948 г., то-есть прежде чем успели высохнуть чернила, которыми написано Ренвильское соглашение, командующий республиканской армией передал по радио следующее толкование условий Ренвильского соглашения:

«Решение принять условия перемирия было принято кабинетом. Как в устной, так и письменной форме командиры всех военных частей заявили о своей решимости продолжать бороться за суверенитет и свободу Индонезийской Республики. Пусть это торжественное заявление главнокомандующего положит конец всем сомнениям в сердцах народа относительно позиции и боевого настроения войск Индонезийской Республики».

Точно так же, обязательство запретить саботаж было проведено начальником штаба республиканских войск на Суматре 23 января 1948 года путем инструкции, данной его офицерам в следующих словах: «Саботаж, проявляемый, например, путем кражи частей машин, должен проводиться на фабриках, на самолетах, автомашинах, танках, поездах, орудиях и т. п. так, чтобы неприятель не мог или лишь с трудом мог пользоваться этими машинами или орудиями».

В Ренвильском соглашении стороны также обязались обоюдно освободить военнопленных, и Республика обещала отозвать свои войска, оставшиеся за нидерландскими линиями. Нидерланды в полной мере сотрудничали в деле осуществления этого условия. 29 224 республиканским солдатам было разрешено перейти на территорию Республики с оружием и оборудованием. Тысячи республиканских военнопленных были освобождены.

В течение некоторого времени после подписания Ренвильского соглашения казалось, что наступил период относительного мира и спокойствия. Однако, начиная с апреля 1948 г. число нарушений условий перемирия из недели в неделю и из месяца в месяц неуклонно повышалось. Если вначале это можно было приписывать безответственным поступкам местных командиров или нерегулярных групп, то это предложение пришлось неизбежно отбросить, когда в июле командующий республиканской армией генерал-лейтенант Судирман отдал приказ об общей мобилизации. В это время республиканские войска были расположены небольшими группами, от десяти до ста человек, вдоль демаркационной линии, готовясь таким образом к применению общей тактики инфильтрации на территорию, находящуюся под властью Нидерландов. Эта тактика была впервые усвоена республиканцами за два месяца перед этим, когда в командовании республиканской армии произошла перемена, причем весьма важные функции были предоставлены командующему так называемой дивизией Силиванги. Эта дивизия действовала ранее главным образом в изолированных группах за линией нидерландского фронта, и входящие в нее части опытные в партизанской тактике и в тактике инфильтрации.

Явное подтверждение этой новой тактики было также найдено в попавших в наши руки приказах. Так например, приказ, изданный в июле республиканским полковником Сумантри, которому была поручена организация инфильтрации

в Западную Яву, содержит инструкции «атаковать нидерландские военные посты и произвести акты саботажа на железнодорожных линиях... похитить административных должностных лиц и других чиновников, работающих для нидерландских организаций, поджигать фабрики и дома тех, кто сотрудничает с Нидерландами».

Выше приведены лишь несколько доказательств все возрастающего числа нарушений условий перемирия, происшедших с начала апреля 1948 года, а особенно после того, как в июле Республика прервала переговоры. Часто забывают о том, что Республика прервала переговоры в июле. Я не хочу сейчас занимать слишком много ценного времени Совета, но я могу и готов привести значительно больше примеров, если Совет того пожелает.

Позвольте мне привести лишь несколько цифр для иллюстрации событий последних месяцев. Согласно достоверным сведениям, за демаркационную линию до прошлого воскресенья проникло небольшими группами приблизительно 11 000 человек республиканских войск, которые вновь создали эти знаменитые «мешки» за линией нидерландского фронта. Число случаев нарушения условий перемирия последовательно возросло с 52, в последнюю неделю марта, до 238, в последнюю неделю ноября, до 307, в первую неделю декабря, и до 350, во вторую неделю декабря. Между 25 августа и 30 ноября более 300 индонезийских — я подчеркиваю: индонезийских — должностных лиц было убито на территории, находящейся под властью Нидерландов, а в течение нескольких последних месяцев еженедельно 50 индонезийских гражданских лиц постигала та же участь. В октябре, например, среднее число случаев поджогов и грабежей возросло до 124 в неделю. У меня имеются точные сведения об этих преступлениях, и я охотно дам их любому заинтересованному в них члену Совета.

Эти несколько цифр в достаточной степени доказывают, какими методами пользуется Республика для того, чтобы, по ее собственным словам, «продолжать борьбу». Если бы эти преступления совершались нерегулярными вооруженными бандами, которые часто образуются в беспокойные времена, то положение не было бы таким серьезным. Однако, постоянно возрастающая кривая случаев запугивания и терроризирования гражданского населения, а также ряд приказов, попавших к нам в руки, к несчастью доказывают, что нам приходится считаться с последовательной и хорошо подготовленной программой, выработанной республиканским командованием. Я готов показать Совету или любому заинтересованному члену Совета фотостаты подлинных приказов, издаваемых официальными командирами республиканской армии, найденных на индонезийских солдатах, проникших за наши линии, но возможно, что столь же убедительным будет, если я прочту выдержку из секретного доклада Военно-исполнительного комитета от 29 ноября 1948 года, представленного Комитету добрых услуг, которая гласит:

«Как в одном, так и в другом случае расследование показало, на основании представленных доказательств, что группы инфильтрации проникали с республиканской территории на территорию Нидерландов по инструкциям некоторых республиканских властей».

Далее:

«Согласно произведенному Военно-исполнительным комитетом расследованию случаев пе-

перехода линии *status quo* в Центральной Яве, имевших место 2 сентября или около этого времени, из допросов плененных и захваченных документов установлено, что эти группы были организованы на территории, находящейся под властью республиканцев, и что им был отдан приказ перейти на территорию, находящуюся под властью Нидерландов».

Что касается инфильтрации в Восточной Яве, то в том же докладе говорится:

«Из этого расследования следует, что в данном случае инфильтрация проводилась под руководством некоторых республиканских властей и имела своей целью вновь овладеть пунктами, занимавшимися до подписания Ренвильского соглашения».

Чтобы оценить злобный характер методов борьбы, которыми пользуется Республика, нужно учесть, что они применяются против беззащитных и мирных индонезийцев исключительно с целью держать страну в состоянии непрерывного волнения. Так например, приказ *Tentara Nasional Indonesia*, то-есть республиканской армии, содержит следующую фразу: «Следует похищать предателей из среды населения. Похищения должны производиться самым осторожным образом и так, чтобы их нельзя было проследить».

Республиканское радио *Гелора Помеда*, 4 августа, угрожало индонезийцам, участвовавшим в Бандунской конференции, и заявило, что они «просто предатели, заслуживающие расстрела». Ни разу в течение последних лет республиканские лидеры открыто не запрещали и не осуждали этих методов запугивания. Ясно, что при таких условиях нет никаких оснований верить тому, что Республика в будущем займет мудрую и умеренную позицию. Поскольку республиканское радио угрожает мстостью и убийством тем индонезийцам, которые стремятся к осуществлению своих национальных идеалов путем дружеского сотрудничества с Нидерландами, поскольку эти угрозы фактически изо дня в день приводятся в исполнение и поскольку Республика не принимает никаких мер против этой тактики убийств и похищений, Нидерланды ни в коем случае не могут согласиться на отозвание своих войск, защищающих тех, против кого эти угрозы направлены.

Республика всячески пытается переложить вину за свое поведение на Нидерланды. Так например, Республика утверждает, что в течение этих месяцев Нидерланды также нарушали перемирие. По этому вопросу я выскажусь очень кратко. Позвольте мне спросить, находятся ли 11 000 нидерландских войск за линией *status quo* на республиканской территории? Где и когда нидерландские войска проявили себя убийствами республиканских должностных лиц или гражданского населения на республиканской территории? Если можно было бы на минуту, для примера, признать, что некоторые утверждения республиканцев в отношении нарушения Нидерландами условий перемирия правильны, то даже и тогда эти так называемые нарушения будут несравненно менее значительны, чем только-что упомянутые мною нарушения условий перемирия со стороны Республики. Как мало доказательств нарушения условий перемирия со стороны Нидерландов может привести Республика видно из письма республиканской делегации от 4 ноября, адресованного Комитету добрых услуг. В этом письме Республика называет нарушениями перемирия некоторые напечатанные в информаци-

онных бюллетенях голландских телеграфных агентств и отдела связи с общественностью нидерландской армии сообщения, содержащие цифры, относящиеся к инфильтрации республиканцев на территорию, находящуюся под властью Нидерландов.

Прежде всего, факты, приведенные в этих сообщениях, — верны. Можно было бы привести в десять раз, в сто раз больше таких фактов и их можно доказать документами, найденными на республиканских офицерах и солдатах, просочившихся на территорию под властью Нидерландов и взятых там в плен. Знаменательно, однако, то, что, для того, чтобы иметь возможность обвинять Нидерланды в нарушении условий перемирия, Республика протестует против опубликования таких фактов, в то время как ее собственная печать ежедневно ведет кампанию неприязни в отношении Нидерландов. Я утверждаю, что не сообщения о нарушениях перемирия обостряют взаимоотношения, но сами эти нарушения.

В том же письме Республика жалуется на «совместные действия голландских женщин», протестующих против того, что, как полагают, Республика все еще держит тысячи голландцев — мужчин, женщин и детей — в качестве заложников и пленных, причем многие из них находятся в концентрационных лагерях. Несмотря на то, что это последнее обвинение, быть может, несколько преувеличено, а отчасти основано на неточных и устарелых цифрах, мы должны, к несчастью, признать, что в нем имеется значительная доля правды, поскольку Республика насильственно удерживает на своей территории сотни, возможно даже тысячи людей, как голландцев, так и индонезийцев.

Возвращаясь к вопросу о нарушении республиканцами соглашения о перемирии, ясно, что инфильтрацией на территорию, находящуюся под властью Нидерландов, и актами насилия против индонезийских гражданских лиц на этой территории преследуется цель путем террора воспрепятствовать сотрудничеству индонезийцев с Нидерландами. Дальнейшей целью является подготовка еще более крупных беспорядков на территории, находящейся под властью Нидерландов, беспорядков, которые, согласно попавшим нам в руки приказам, были назначены на январь 1949 года. Позвольте мне опять привести один или два примера, вскрывающие подготовку Республикой крупных беспорядков к 1 января 1949 года.

Из перекрестного допроса японца, входившего в состав республиканских вооруженных сил и арестованного вблизи Гарута, в Западной Яве, выяснилось, что 23 октября 1948 г. два курьера из Джокьякарты привезли инструкции, исходящие от некоего Абубакара, из республиканской армии, из каких-то инструкций следовало, что Абубакар был назначен главой сопротивления в Западной Яве и получил инструкции для организации движения массового сопротивления, начиная с 1 января 1949 года.

В округе Лампонг, в Южной Суматре, с разрешения местного командира республиканской армии возникло так называемое «движение 1 января». Руководители этого движения приняли так называемую «программу борьбы», состоящую из следующих четырех пунктов: во-первых, размещение людей и припасов во всех стратегических пунктах; во-вторых, установление тщательного надзора над всеми лицами, подозреваемыми в

сотрудничестве с неприятелем; в-третьих, подготовка населения к «тотальной обороне» и создание партизанских отрядов; в-четвертых, поддержание боевого духа в населении и армии. Все это делалось «в качестве подготовки к 1949 году».

И наконец, в качестве последнего примера, я могу упомянуть, что нами был перехвачен письменный отчет о заседании, состоявшемся 23 октября в Кепандьене. На этом заседании председательствовал начальник штаба бригады Риван и присутствовали несколько высших офицеров Республики; на нем обсуждались приготовления к операции в Восточной Яве, назначенной на 1 января и известной под условным названием «Вингейт».

Против нас было также выдвинуто обвинение в том, что мы нарушили дух Ренвильского соглашения тем, что мы, не дожидаясь заключения соглашения с Республикой, сотрудничаем в деле создания новых отдельных штатов и автономных районов и таким образом ставим Республику перед совершившимся фактом и подрываем ее доверие. Это обвинение уже выдвигалось против нас, и на него несколько раз давался ответ в Совете Безопасности, так что я могу ограничиться лишь кратким заявлением по этому вопросу.

Прежде всего, позвольте мне указать, что создание отдельных штатов, входящих в состав целого, само по себе ни в какой мере не противоречит Ренвильскому соглашению, в котором Республика дала свое согласие на федеративную систему. Это тем более верно, что автономные районы создаются на чисто временной основе.

Во-вторых, и это не менее важно, нам приходится учитывать то обстоятельство, что в районах, находящихся под властью Нидерландов, население выражает естественное и все возрастающее стремление к созданию такого государственного строя, при котором управление его собственными делами возможно скорее перешло бы в руки индонезийцев. Создание автономных районов представляется лучшим и наиболее конструктивным способом пойти навстречу этому стремлению.

В-третьих, опыт показывает, что существование этих новых штатов побуждает население к новой политической жизни и что во всех районах, находящихся под властью Нидерландов, возникают народные движения, стремящиеся к такому же прогрессу. Нидерланды никогда не обязывались подавлять требования, исходящие от населения, и не считают себя вправе подавлять их.

Кроме того, не следует забывать, что во втором Ренвильском принципе [S/649, приложение XIII] особо подчеркивается следующее: «Понимается, что ни одна из сторон не имеет права препятствовать свободному проявлению народного движения, направленного к созданию политических организаций, не противоречащих принципам Лингаджатского соглашения».

Позднее я вернусь к вопросу об этих федералистах.

Теперь я попытаюсь дать Совету Безопасности краткий обзор разногласий, разделяющих Нидерланды и Республику. Как я в самом начале пояснил, дело отнюдь не в том, приобретает ли Индонезия независимость. Все стороны согласны в том, что территория, бывшая ранее Голландской Ост-Индией, должна по возможности скорее стать независимым государством. Однако, когда дело доходит до того, как организовать это государство, то возникают глубокие расхождения.

Если судить по имеющимся в письменной форме соглашениям и официальным заявлениям, то, в теории по крайней мере, окажется, что расхождений во мнениях относительно общей структуры будущих Соединенных Штатов Индонезии нет. Один из общих принципов, на котором стороны сошлись, — мы находим этот принцип как в Ренвильском, так и в Лингаджатском соглашениях — заключается в том, что будущее сотрудничество между суверенными Соединенными Штатами Индонезии и Нидерландами будет осуществляться в рамках Нидерландско-Индонезийского Союза, который будет располагать соответствующими органами, детальная организация которых будет выработана в ходе переговоров между Нидерландами и новой федерацией. Республика также в принципе согласилась с тем, что в переходный период времени она примет участие во временном правительстве для всей Индонезии, которое должно быть образовано по возможности скорее.

Однако, как только была сделана попытка провести эти общие принципы в жизнь на твердых и прочных устоях, то оказалось, что не имеется никакой реальной общей почвы для соглашения, ибо действительной целью Республики отнюдь не является — как это было заявлено в Ренвильском и Лингаджатском соглашениях — вхождение в Индонезийскую федерацию в качестве одной из ее составных частей, а включение всей Индонезии в состав Республики. Каждый раз, когда Республике приходится приступать к выполнению общих установленных принципов, она всегда находит причины, чтобы уклониться от их выполнения.

Прежде всего я мог бы напомнить Совету Безопасности, что, когда после долгих усилий в марте 1947 года наконец было подписано Лингаджатское соглашение, Республика почти непосредственно вслед за этим проявила нежелание сотрудничать в деле проведения в жизнь взятых на себя сторонами договорных обязательств. Нам прежде всего пришлось приложить значительные усилия для того, чтобы найти основу для переговоров относительно выполнения этих обязательств, а затем ход самих переговоров непрерывно нарушался тем, что делегаты Республики ссылались на недостаток полномочий для заключения тех или иных обязательных соглашений. В результате, по истечении нескольких месяцев Нидерланды были вынуждены предложить Республике ясно высказаться по ряду затронутых в переговорах пунктов.

Именно в этот момент Сутан Сьяхрир, занимавший в то время пост премьер-министра, казался был готов пойти на некоторые уступки и произнес по радио в Батавии примирительную речь с целью избежать разрыва. Это стремление к примирению, однако, — как к несчастью не раз случалось в ходе переговоров с Республикой — не нашло поддержки в Джокьякарте и стоило г-ну Сьяхриру его карьера в правительстве. Его правительство было вынуждено подать в отставку и было заменено кабинетом, возглавляемым Амиром Сьярифудином, который позднее, кстати, сам признался, что с 1935 года он был членом коммунистической партии.

В течение короткого времени, после того как г-н Сьярифудин приступил к исполнению своих обязанностей, казалось, что можно будет прийти к соглашению. В ходе переговоров в Батавии новый премьер-министр пошел на некоторые важные уступки. Но снова, на следующий день

после своего возвращения в Джокьякарту, г-н Съярифуддин отказался от всех данных им в Батавии за 24 часа перед этим обещаний. Это и вызвало полицейскую акцию в июле 1947 года.

Много месяцев спустя, в январе 1948 года на борту *Ренвилля*, под руководством Комитета добрых услуг, было подписано новое соглашение. Однако, премьер-министр Съярифуддин, подписавший это соглашение, подал в отставку и немедленно начал яростную кампанию против Ренвильских принципов. На его преемника г-на Мохаммеда Хатту пала тогда обязанность по выполнению положений Ренвильского соглашения, в чем ему всячески мешала кампания Съярифуддина. Из последующего хода переговоров еще ярче выяснилось, что индонезийская делегация либо не желала, либо не была в состоянии сотрудничать в деле быстрого разрешения оставшихся нерешенными вопросов.

Я не хочу сейчас подробно останавливаться на последней фазе переговоров, которые велись в течение сентября, октября, ноября и декабря месяцев. Как видно из четвертого предварительного доклада Комитета добрых услуг [S/1085], 14 октября Нидерланды представили ряд подробных предложений для окончательного разрешения спора с Республикой. Нидерланды заявили, что они готовы возобновить переговоры на основании проектов предложений, внесенных 10 сентября представителем Соединенных Штатов, при условии, что никакое соглашение не будет заключено до тех пор, пока не будет дано удовлетворительного доказательства эффективности мер, принятых Республикой для прекращения нарушений военных условий перемирия, и до тех пор, пока не будут приняты меры для осуществления экономических положений перемирия. Однако, Нидерланды, к своему сожалению, были вынуждены констатировать, что число случаев нарушения условий перемирия не только не сократилось, но, напротив, продолжало возрастать и достигло своего кульминационного пункта в третью неделю ноября, когда произошло 240 таких случаев, и во вторую неделю декабря, когда, как я уже сказал, были получены сведения о 350 случаях нарушения перемирия.

В течение октября месяца, когда были сделаны попытки возобновить переговоры, Республика не дала никаких обещаний принять эффективные меры для устранения этого положения вещей, а также не сделала никаких контрпредложений для разрешения политических вопросов. Таково было положение в начале ноября. Тем не менее, нидерландское правительство все еще не теряло надежды и пожелало сделать еще одну решительную попытку достигнуть соглашения. С этой целью нидерландский министр иностранных дел прибыл на самолете в Индонезию и посетил членов республиканского правительства в столице Республики, для того чтобы попытаться выяснить позицию Республики по некоторым критическим вопросам. Он получил меморандум республиканского премьер-министра г-на Хатта от 10 ноября, который, казалось, открывал возможности переговоров. Г-н Стиккер сообщил об этом нидерландскому правительству, которое по получении этого сообщения послало в Индонезию значительную делегацию, возглавлявшуюся тремя министрами. Если еще требуется доказательство искреннего стремления Нидерландов достигнуть соглашения, то таким доказательством является этот непосредственный благожелательный

отклик на имевшуюся тогда, казалось, возможность наконец уладить спор с Республикой.

Однако, делегация прибыла в Индонезию только для того, чтобы убедиться, что снова повторяется старая, давно всем известная история относительно позиции Республики. Г-н Хатта уведомил нидерландскую делегацию о том, что некоторые важные пункты его меморандума от 10 ноября не могут быть приняты Республикой. Таким образом, представители Республики еще раз уклонились от выполнения своих обещаний, и надежды на достижение соглашения снова рухнули. Неприемлемые для Республики пункты меморандума касались именно признания суверенитета Нидерландов в течение переходного периода. Позвольте мне в связи с этим процитировать текст первого из шести дополнительных принципов Ренвильского соглашения, изложенных в приложении VIII к документу S/649.

«Нидерландское королевство пользуется и продолжает пользоваться суверенитетом в Нидерландской Индии до тех пор, пока, по истечении определенного срока, этот суверенитет не будет передан Соединенным Штатам Индонезии».

Представители Республики предложили нидерландской делегации следующее: Республика признает принцип суверенитета Нидерландов в течение переходного периода только формально, и она желает получить заверение в том, что такое признание ею нидерландского суверенитета не повлечет за собой никаких практических последствий; таким образом, суверенитет Нидерландов будет признан *de jure*, а не *de facto*. Это предложение было отклонено нидерландской делегацией, как противоречащее Ренвильским принципам и представляющее собой отречение от буквы и духа меморандума г-на Хатта. Из дальнейших переговоров, кроме того, выяснилось, что Республика в сущности несколько не изменила своей позиции; она не гарантировала прекращения случаев нарушения условий перемирия и, как только дело дошло до практических мероприятий, Республика вновь пыталась заранее обеспечить себе полноту власти в будущих Соединенных Штатах Индонезии.

Одним из вопросов, при обсуждении которых выяснилось эта тенденция, был вопрос об организации новых вооруженных сил в Индонезии в переходное время. В принципе было установлено, что при организации этих сил будут использованы федеральные войска, набранные во всей Индонезии, а также нидерландские войска. Ясно, что для наиболее быстрого установления мира и порядка необходимо было выработать конкретные меры для включения частей республиканских войск в состав федеральных вооруженных сил и для быстрой демобилизации всех сверхкомплектных вооруженных групп. Только таким образом можно было помешать возникновению положения, при котором фактическая власть над всем населением Индонезии была бы сосредоточена в руках нескольких республиканских лидеров. Республиканское правительство, однако, воспрепятствовало достижению соглашения об эффективных мерах с этой целью. Предложение республиканского правительства заключалось в том, чтобы в течение переходного времени Нидерланды постепенно выводили свои войска из районов, находящихся в настоящее время под их властью, и чтобы республиканская армия была пока сохранена, причем ее судьба должна была решиться позднее. Кроме того, в течение переходного времени, эта республиканская армия

должна была находиться под отдельным командованием.

На практике эти предложения Республики означали бы продление настоящего положения, т. е. существования двух враждебных армий — каждой под отдельным командованием. Это, совершенно очевидно, воспрепятствовало бы созданию спокойных и мирных условий, поставило бы республиканскую армию в положение все возрастающего превосходства и подорвало бы всю будущую структуру Соединенных Штатов Индонезии.

Те части Индонезии, которые не находятся под властью Республики и в которых живут две трети всего населения, имеют право на известные гарантии в этом отношении. Они должны иметь, с одной стороны, гарантию того, что террор вооруженных банд наконец прекратится, а с другой стороны, что они в какой-то определенный момент не будут брошены на милость меньшинства, располагающего превосходными вооруженными силами. Ввиду нежелания Республики сотрудничать в деле проведения мер для успешного устранения этой угрозы и ввиду многочисленных повторявшихся случаев террора и жестокости, имевших место ежедневно, Нидерланды не сочли возможным отозвать свои войска, поскольку не были приняты такие меры, так как, в противном случае, республиканская армия легко захватила бы власть в свои руки.

Эти вопросы — вопрос о полномочиях представителей Короны в течение переходного времени и вопрос об объединенном или раздельном командовании, а также вопрос о сохранении отдельной республиканской армии и вопрос о все возрастающем числе случаев нарушения условий соглашения о перемирии — были теми главными вопросами, в отношении которых правительственная делегация обнаружила непреодолимые расхождения. Тем не менее, как я уже сказал, эти различия были лишь результатом и симптомами еще более глубокого расхождения, вызванного тем обстоятельством, что на деле Республика стремилась к установлению своей гегемонии над всей Индонезией.

В письме от 13 декабря [S/1129] премьер-министр Хатта, по предложению г-на Кокрана, чьи неослабные усилия высоко ценятся моим правительством, вновь подтвердил, что он стремится достигнуть соглашения, в чем мы никогда и не сомневались. Однако, хотя это письмо и написано в примирительном тоне оно все же, как в нем и сказано, представляет собою лишь общее и неофициальное выражение личного мнения г-на Хатта, которое ни в какой степени не является обязательным для правительства Республики. Это письмо, кроме того, нисколько не сузило расхождения по трем главным пунктам, а именно, по вопросу о прекращении случаев нарушения условий перемирия, по вопросу о едином командовании армиями и по вопросу о сохранении республиканской армии. Правительство Нидерландов в своем ответе от 16 декабря² ясно заявило, что по этим причинам оно не в состоянии пересмотреть свое заключение, что дальнейшие переговоры будут беспредельными, если только — и я это подчеркиваю: если только — не будет получено документа, имеющего обязательную силу для республиканского правительства и дающего ответ на эти три главных пункта. Мы просили на этот раз не личные заверения

г-на Хатта, но гарантии, налагающие обязательство на все республиканское правительство, как таковое.

После того как этот ответ Нидерландов был выслан из Гааги, появилось коммюнике республиканского правительства от 16 декабря, в котором снова безоговорочно и по существу отклонялись нидерландские предложения по указанным трем главным пунктам. Кроме того, было получено сообщение, что г-н Сукарно с шестью министрами выезжает из Индонезии в Индию, делая, таким образом, невозможными дальнейшие переговоры и лишая себя и свое правительство возможности дать ответ на наши вопросы.

Хотя новый курс событий, получивший свое развитие, как я указал, после того как был выслан ответ Нидерландов, оставлял очень слабую надежду на достижение соглашения, нидерландское правительство все же не принимало никакого решения и ждало до утра 18 декабря, — т. е. до истечения срока, в течение которого мы просили доставить нам ответ. Никакого ответа не было получено. Ввиду этого, нидерландское правительство было вынуждено прийти к заключению, что Республика либо действительно не желает соглашения, либо бессильна заключить его. Я отдаю себе отчет в том, что это обвинение серьезно, но голые факты в течение долгого периода времени показали, что Республика неоднократно создавала положение, при котором заключение соглашения оказывалось невозможным по причине непрерывной антиголландской пропаганды, все возрастающего числа случаев систематических актов насилия и, наконец, по причине систематического отказа от выполнения уже сделанных обещаний и уклонения от выполнения условий уже заключенных соглашений. Это не относится к доброй воле и искренности, проявленным столь честными людьми, как г-н Хатта, г-н Леймена, профессор Супомо, г-н Дармесетиаван и г-н Джуана при их попытках достигнуть соглашения с нами. Но трагедия заключается в том, что в критический момент они не могли добиться того, чтобы их политика взяла верх над политической безответственных элементов Республики. Они доказали не только, что республиканское правительство никогда не может быть уверено в поддержке и подчинении стоящих за ним сил, но также, что политическая жизнь внутри Республики серьезно подрывается коммунистическими влияниями.

Это приводит меня к вопросу о коммунизме в Индонезии, вопросу, представление о котором в значительной мере неправильно. Нидерланды не утверждают и никогда не утверждали, что Республика находится под коммунистическим контролем. Мы утверждаем только, и настаиваем на этом также и теперь, что Республика возлагает значительные надежды на поддержку коммунистических лидеров и, таким образом, находится под сильным влиянием коммунизма, что влечет за собой постоянный риск — риск, на который идет всякое правительство, полагающееся отчасти на коммунистическую поддержку, — что эта группа в один прекрасный день неожиданно захватит всю власть. Республиканское правительство само несет значительную ответственность за такое положение дел, потому что оно никогда честно и открыто не выступало против коммунистической тактики. Наоборот, оно предоставило коммунизму полную возможность создать мощную организацию, которая, при помощи своего прекрасно организованного апа-

² Ср. S/1129, пункт 2, документ нидерландской делегации № 3894 от 17 декабря 1948 года.

рата, провела своих представителей на главные посты в правительстве, армии, в рабочих организациях и в организациях молодежи.

Позвольте мне упомянуть только об одном из ряда событий, для того, чтобы доказать эту, выходящую мягко, терпимость, проявленную республиканским правительством по отношению к коммунизму. 10 августа 1948 г. в Индонезию прибыл коммунистический агент из-за границы, получивший впоследствии мировую известность, по имени Музо, который немедленно начал деятельную коммунистическую кампанию, результатом которой было, в сентябре 1948 г., неудачное коммунистическое восстание в Республике. Даже тогда правительство г-на Хатта не выступило открыто против коммунизма. 16 сентября г-н Хатта сделал заявление политического характера в Рабочем комитете временного республиканского парламента, в котором он решительно подтвердил, что коммунистическая деятельность является законным видом политического движения. Кроме того, он тогда же сказал, что, несмотря на то, что он не считает, что Республика должна полностью следовать примеру Советского Союза, все же не следует забывать, что СССР является поборником идеи освобождения колониальных народов.

К счастью, правительству Хатта удалось в конце концов подавить коммунистическое восстание г-на Музо, хотя довольно значительные коммунистические группы продолжают вести партизанскую войну в различных областях Республики. Ввиду этого многие теперь склонны считать, что опасность коммунизма внутри Республики миновала и что на правительство г-на Хатта можно положиться как на союзника в борьбе против дальнейших действий экстремистов. Это — вполне понятное, но тем не менее опасное недоразумение; я должен сказать — и этот вопрос сильно тревожит мое правительство, — что, для того чтобы добиться этого, республиканскому правительству пришлось воспользоваться помощью соперничающей коммунистической группы под предводительством Тан Малака, который так же как и г-н Музо является коммунистическим агитатором, прошедшим длинную и тщательную подготовку за границей, несмотря на то, что его последователи стоят за более национальную форму коммунизма, менее непосредственно зависящую от Коминформа.

В 1945 году Тан Малака принял чрезвычайно активное участие в деле создания Республики и был назначен преемником г-на Сукарно и г-на Хатта в политическом завещании, подписанном последними 1 октября 1945 года. Через год после этого роль Тан Малака была временно окончена ввиду его неуспешной попытки силой свергнуть республиканское правительство. За эту измену он все еще находился в тюрьме, когда коммунистическое восстание Музо приняло определенную форму; он был тотчас же освобожден из тюрьмы и организовал новую партию, включившую в себя ряд меньших организаций с коммунистическими тенденциями.

Уместно отметить, что новая партия Тан Малаки включает некоторые из организаций, бывших частью коммунистического фронта Музо. Таким образом, так называемое подавление коммунистического восстания Республикой в действительности выразилось только в переходе Республики из зависимости от одной коммунистической группы в зависимость к другой и повлекло за собой зарождение среди последователей Рес-

публики сильной новой коммунистической партии, возглавляемой Тан Малакой. Эта партия, в свою очередь, грозит стать независимой силой внутри государства. Суракарта, второй по величине город в Центральной Яве, удаленный приблизительно на 60 километров от Джокьякарты, находится фактически во власти этой новой партии. У нее много последователей в республиканской армии, в рабочем движении и в движении молодежи. Партия Тан Малаки располагает значительным числом мест в реорганизованном республиканском парламенте. Несмотря на то, что они, пожалуй, теперь менее слышны, чем прежде, коммунистические лидеры все еще могут продолжать свою преступную деятельность. Республиканская печать и радио, повидимому, всегда находятся в их распоряжении.

Цели новой коммунистической партии, называемой *Партай Мурба*, не оставляют места для иллюзий. Подобно прежней коммунистической партии, она стремится превратить Индонезию в коммунистическое государство. Она будет любой ценой противиться всякой попытке создать в Индонезии демократический порядок и мир. В международном отношении эта партия настроена враждебно к западным демократиям. На деле, ключевое положение Тан Малаки и его партии в настоящее время в конце концов окажется более опасным для правительства Хатты, чем открытое восстание Музо и его группы.

Личность Тан Малаки сама по себе также является доказательством тесной связи, существующей между его партией и коммунистическим движением в Китае, Малакке и в других частях Азии. В течение второй мировой войны главной сценой деятельности Тан Малаки была Малакка, откуда он перебрался в 1942 году в Китай. Там он работал в тесном сотрудничестве с хорошо известным китайским коммунистическим лидером Чу Эн-лай. Связь между китайскими и индонезийскими коммунистами всегда была сильна, независимо от их революционной деятельности, направленной против Нидерландов. Коммунисты Индонезии систематически терроризируют некоммунистические организации.

Позвольте мне привести выдержку из печатного органа коммунистической партии на Суматре, которая выпустила следующее сообщение:

«Все негодяи из Гоминдана будут скоро посажены в концентрационные лагеря... Позвольте нам почтительно известить всех членов Гоминдана, что мы собираемся отомстить им так же, как им отомстили члены коммунистической партии в Малакке».

Это приводит меня к вопросу об отношениях между коммунистами в Индонезии и коммунистами в Малакке. Тесная связь между коммунистическими группами в Индонезии, Бирме, Малакке и в других странах Юго-Восточной Азии — установленный факт. Все они, кроме того, получают директивы из одного и того же центра. Позвольте мне привести еще один пример. У нас имеется письмо командующего так называемой дивизией Бантенг республиканской армии в Букентинги, на Суматре, от 26 мая 1948 года, из которого я цитирую следующий абзац:

«На основании соглашения, заключенного между *Путьюк Пинтинан Тентара Насиональ в Индонезии...*», — т.е. верховного командования Национальной индонезийской армии, — «...и коммунистическими лидерами Индонезии, я даю мое согласие на то, чтобы вы начали со-

трудничать с лидерами Малайской коммунистической ассоциации во всей Малакке, так как эта партия пользуется значительным влиянием в Малакке и Сингапуре».

Можно легко привести множество примеров такого же рода, и я готов сделать это, если Совет Безопасности пожелает. Но, быть может, этих примеров достаточно, чтобы наглядно показать международное значение коммунистической кампании в Юго-Восточной Азии.

В дополнение к коммунистическим группам, республиканскому правительству приходится постоянно иметь дело с рядом небольших иррегулярных вооруженных групп, которые официально входят в состав республиканской армии, но очень часто не подчиняются ее дисциплине. Многие, если не большинство из этих групп, решительно противятся всякой демобилизации, потому что это принудит их к работе в гражданской жизни, к чему они не имеют подготовки и что может оказаться менее выгодным. Эти элементы вместе с коммунистами образуют фактор, препятствующий любой попытке достигнуть мирного решения. Сменяющиеся республиканские правительства не в состоянии справиться с его влиянием.

Как я уже сказал, все эти обстоятельства вынудили нидерландское правительство прийти к заключению, что достигнуть политического соглашения с Республикой — невозможно. Очевидно, что такого рода положение дел невозможно бесконечно терпеть и, ввиду нежелания или неспособности Республики сдержать безответственные элементы на ее территории в ее рядах, Нидерланды принуждены были изменить свою позицию. Поступая таким образом, правительство Нидерландов считает, что его первая обязанность заключается в предоставлении нереспубликанской части Индонезии такого политического строя, который наилучшим образом обеспечит рост благосостояния и возможность закономерного, мирного и демократического перехода к полной независимости. На этом основании, 18 декабря прошлого года правительство Нидерландов издало декрет, в котором предусматривается образование паниндонезийского временного федерального правительства, временно — без участия в нем республиканских районов. Это декрет был результатом переговоров, имевших место в сентябре и октябре текущего года с представителями так называемых федеральных районов.

Федералисты называют себя так потому, что, несмотря на то, что они в той же мере стоят за быстрое предоставление Индонезии независимости, они расходятся с лидерами Республики в том отношении, что они хотят, чтобы Соединенные Штаты Индонезии были созданы на чисто федеративной основе. Им придает энергию опасение традиционного стремления руководящей группы в Центральной Яве к установлению полного и диктаторского контроля над другими этническими группами на Яве и над населением многих других островов Индонезийского архипелага. Это стремление, как я подчеркнул ранее, нашло свое воплощение в Индонезийской Республике.

Выбор именно федеративного строя основывается на том, что население Индонезии состоит, приблизительно, из семнадцати главных этнических и языковых групп, которые в свою очередь подразделяются на еще большее количество подгрупп. Постепенно выкристаллизовавшееся единство Индонезии является результатом суверенитета Нидерландов над всеми этими группами.

Однако, управляя Индонезией, Нидерланды всегда тщательно учитывали резкие расовые, религиозные политические различия и, часто, даже вражду, существующие между различными частями Индонезии. Сожительство под покровительством Нидерландской короны привело к зарождению у индонезийцев национального чувства и стремления к созданию индонезийского государства. Однако, при существующих условиях невозможно создать такое государство без значительной доли региональной автономии, для того чтобы не повредить самой основе существования различных групп населения Индонезии.

Создание нового государства на принципе централизации предоставит доминирующее положение одной определенной группе, которая сама по себе образует меньшинство. Это явится угрозой демократическому сотрудничеству на равных началах между различными частями Индонезии и будет означать политический, культурный и экономический регресс в значительных областях страны. Поэтому, можно понять и оправдать то обстоятельство, что националистическое движение во многих районах вне территории Республики решительно противится централизаторским и унитарным тенденциям, которыми отличается политика Республики, ибо, хотя в своих прошлых соглашениях с Нидерландами Республика обязалась сотрудничать в деле создания Индонезийской федерации, в которой Республика будет участвовать на равных началах с другими штатами Индонезии, она в достаточной степени прояслила свои истинные намерения как в своей пропаганде внутри страны, так и в своих переговорах с Нидерландами. Целью ее является создание унитарного государства, которое будет управляться из Центральной Явы.

Вне всякого сомнения, в среде своей интеллигенции Республика насчитывает много последователей идеи федерализма. Но характерной чертой полного отсутствия свободы выражения мысли в Республике является то, что их голос слышится только в нереспубликанских частях Индонезии. Замечательно то, например, что лидеры федералистов никогда не имели возможности выражать свое мнение, когда их территория находилась под республиканской властью. Объяснение этому очень простое. Это стоило бы им жизни. То обстоятельство, что федералисты имеют возможность открыто выражать свое мнение только в районах, находящихся под властью Нидерландов, используется республиканской пропагандой, называющей их «марионетками», подвергая таким образом сомнению искренность их национальных устремлений.

В связи с этим, я хотел бы заметить следующее. Целью многих правительств, представленных в этом Совете, так же как и целью моего правительства, является поддержка умеренных и конструктивных националистических элементов в Индонезии, для того чтобы помешать этому национализму вылиться в революционную и крайнюю форму. Я беру на себя смелость заявить, что нет худшего способа пытаться достигнуть этой цели, чем верить этому эпитету республиканской пропаганды и сомневаться в искренности национальных устремлений этих умеренных элементов лишь потому, что они идут по пути эволюции, а не по пути революции. И разумеется, нет лучшего способа укрепить ряды экстремистов. Тем не менее, этому пути сознательно или бессознательно следуют многие из тех, кто, руководствуясь самыми лучшими намерениями,

пытаются оказать поддержку идее индонезийского национализма и конструктивно сотрудничать в этом направлении.

Один или два раза в Совете Безопасности упоминалось о том, что Индонезийская Республика уполномочена говорить от имени 70 миллионов индонезийцев. Это совершенно ошибочно. Точная картина положения, которая не изменилась и в настоящее время, рисуется таким образом, что под властью Республики находятся некоторые части Явы и Суматры с населением около 23 миллионов человек, что представляет собой около 35 процентов общего населения Индонезии, в то время как под властью федеральных штатов и иной находится 45 миллионов индонезийцев — что составляет более 65 процентов всего населения. Для того чтобы дать членам Совета Безопасности ясную картину этого разделения Индонезии на республиканские и федеральные районы, я, для удобства, роздал карту положения, существовавшего до недавнего времени [S/1136/Add.2].

Федеральные районы не следуют тоталитарным тенденциям Республики и не претендуют на то, что они говорят от имени ста процентов населения. С другой стороны, они решительно утверждают, что на республиканской территории имеется множество людей, которые примкнули бы к делу федералистов, если бы они могли это сделать не рискуя своей жизнью. Невозможно установить, какая часть населения Республики действительно согласна с политикой Сукарно, потому что выборы, на проведении которых на территории под властью Нидерландов Республика так решительно настаивала, никогда не были проведены на территории самой Республики. Мы можем лишь утверждать, что как в Республике, так и в федеральных штатах, известная часть общественного мнения несогласна с общей политикой лидеров. Разница в том, что в федеральных районах оппозиции разрешается высказывать свое мнение, а в Республике — нет.

Федералисты не менее национально настроены, чем Республика. Они с одинаковым нетерпением ожидают момента, когда Индонезия станет свободной и независимой. Их расхождение с Республикой заключается в том, что они желают, чтобы Индонезийское государство строилось на федеративной основе, и в том, что они полагают, что эта независимость может быть наиболее быстро и с наименьшими потрясениями достигнута в сотрудничестве с Нидерландами. Искренность их национальных убеждений получила лучшее доказательство в июле текущего года, когда премьер-министры федеральных штатов собрались на конференцию в Бандунге и выработали несколько резолюций, выражающих пожелания по вопросу о быстром создании независимых Соединенных Штатов Индонезии и их структуре. В ряде основных вопросов, эти пожелания противостоят представлениям властей в Батавии. Тем не менее, нидерландское правительство, убежденное в том, что пожелания представителей федералистов должны быть удовлетворены, пригласило делегацию в Гаагу и вместе с нею выработало предварительный план государственного строя Соединенных Штатов Индонезии. По настоянию федералистов было дано обещание, что этот план, предусматривающий создание паниндонезийского временного федерального правительства, будет проведен в жизнь до 1 января 1949 г., даже если до этого времени нельзя будет достигнуть соглашения с Республикой.

Нидерланды не могли и не желали обмануть ожидания тех национальных элементов, которые верили в возможность мирного сотрудничества с Нидерландами. Их доверие было бы обмануто, если бы федералисты были принесены в жертву тому обстоятельству, что Нидерланды и Республика не смогли прийти к соглашению. По этой причине Нидерланды, после того как последняя решительная попытка достигнуть соглашения с Республикой не удалась, вынуждены были по возможности скорее приступить к последней стадии подготовки к созданию индонезийского государства, состоящего из автономных частей. С этой целью ими был издан декрет, утверждающий решение о создании временного правительства Индонезии, имеющего взять на себя все функции, выполнявшиеся до сих пор органами Нидерландского королевства. На это федеральное правительство возлагается также задача по выработке окончательного плана структуры индонезийского государства, которая позволит ему перенять полностью суверенных прав.

Как я уже говорил в начале моего выступления, для представителей районов, находящихся в настоящий момент под властью Республики, будут предусмотрены места в структуре нового государства. Это мероприятие было истолковано известными кругами как признак того, что Нидерланды не желают прийти к соглашению с Республикой. Я должен решительно протестовать против такого обвинения. Ход событий показывает, что мы более двух лет пытаемся создать федеративное государство, с Республикой в качестве важной составной части. Даже в настоящее время, подразумевается, что за республиканскими территориями остается право в будущем участвовать в федеральном правительстве. Принципы, которым мы следуем при образовании временного правительства, строго согласуются с положениями Лингаджатского и Ренвилльского соглашений.

Однако, я должен вновь подтвердить, что было бы в высшей степени несправедливо в отношении двух третей населения Индонезии, если бы мы продолжали отказывать им в возможности создать демократический строй. Лидеры федералистов-националистов имеют на это право на основании данных им формальных обещаний. Помимо этого, нельзя далее медлить также и непосредственно в интересах индонезийского народа, потому что необходимо защитить население от все растущего числа убийств и похищений, производимых безответственными элементами, угрожающими общественной безопасности. Обязанности по организации такой защиты могут, в конечном счете, с успехом выполняться только правительственным аппаратом, находящимся под индонезийским руководством.

Моя страна глубоко сожалеет, что Республика не нашла возможным с самого начала сотрудничать в этом конструктивным усилием. Мы можем надеяться лишь на то, что немедленное создание временного федерального правительства докажет искренность наших намерений сделать Индонезию независимой, но независимой под конструктивным руководством, не под гегемонией правительства, которое само будет зависеть от милости или немилости элементов насилия.

Члены Совета Безопасности без сомнения ожидают от меня несколько слов относительно мер, принятых голландскими вооруженными силами в прошлое воскресенье на республиканской территории. Перед нидерландским правительством,

после того, как оно пришло к заключению, что Республика не желает или не может принять эффективных шагов для прекращения террора и насилия и что она не откажется от своего намерения господствовать над всем Индонезийским архипелагом, предстала трагическая дилемма. Перед ним открылись две возможности.

Первая была — уступить Республике. Мы твердо убеждены в том, что это означало бы отдать всю Индонезию под власть диктатуры меньшинства, под власть того самого режима насилия, хаоса и несостоятельности, который совсем недавно царил в Джокьякарте, и под растущее влияние коммунизма с Тан Малакой или другим лидером во главе. Нельзя себе представить, чтобы любое сознающее свою ответственность нидерландское правительство могло таким образом нарушить свой священный долг и обмануть доверие миллионов индонезийцев, которые боятся власти меньшинства и стремятся к достижению независимости с помощью Нидерландов и при их содействии.

Вторая возможность, открывавшаяся перед нидерландским правительством, состояла в том, чтобы отказаться от дальнейших бесполезных попыток прийти к соглашению с Республикой и действовать по своему собственному усмотрению без помощи Республики и, поскольку необходимо, — против нее, пользуясь теми средствами, которые необходимы для установления порядка — того условия, только при котором возможно создание нового демократического и процветающего государства. В число этих мер входила, с одной стороны, подготовка панидонезийского временного правительства, о котором было достигнуто соглашение с федералистами, и с другой стороны — освобождение республиканских районов от режима террора войск Республики или вооруженных банд.

По нашему мнению, вторая альтернатива представлялась единственно возможной. На нас все еще лежит ответственность за установление законности и порядка, за мирное развитие страны, согласно первому из шести дополнительных Ренвильских принципов [S/649, приложение VIII]. Наступил момент, когда Нидерланды не могут более мириться с беспрепятственным ростом разрушительных и опасных элементов, ежедневно причиняющих все больше страданий населению Индонезии и вызывающих среди него непереносимое состояние беспокойства и страха, которое мы надеялись устранить в сотрудничестве с Республикой, если бы она проявила желание с нами сотрудничать. Когда это сотрудничество оказалось невозможным, мы не были в состоянии долее откладывать проведение мер, в которых давно ощущалась необходимость. Это решение было единогласно вынесено нидерландским кабинетом в субботу утром 18 декабря.

Нельзя сомневаться в том, что, как это показало голосование, имевшее место только третьего дня в нашем парламенте, — вся нация, за исключением коммунистической партии, стоит как один человек единогласно за вторую альтернативу. К этому заключению мы пришли после долгих размышлений, ибо нидерландское правительство и огромное большинство населения нашей страны всегда надеялись на возможность избежать такого рода шагов. Если бы не это, то мы давно перешли бы к действиям. Мы пришли к этому решению после долгих колебаний и только потому, что, в конце концов, все поняли, что другого способа не существует. Но приняв

это нелегкое решение, моя страна намерена провести его любой ценой и невзирая на последствия.

Мне известно, что по мнению ряда представленных здесь правительств, мы должны были следовать другой альтернативе и уступить Республике в надежде, что такое проявление доверия укрепило бы умеренные элементы в Республике. Их цель — та же, что и наша: независимая Индонезия, являющаяся элементом устойчивости в Юго-Восточной Азии. Но они стоят, однако, за другой способ действия. Мы убеждены, — мы знаем, — что их метод ошибочный, и если бы мы ему последовали, то потом было бы слишком поздно исправить эту ошибку. Мы просим лишь о том, чтобы Совет Безопасности дал нам возможность доказать, что наш метод приведет к осуществлению общей цели, к которой мы все стремимся.

Это приводит меня к последнему вопросу, а именно, к вопросу о компетенции Совета Безопасности. Я не касался его ранее, потому что я желал по возможности более полно разъяснить Совету мотивы, которыми мы руководствовались в наших действиях в течение нескольких месяцев. Нам нечего скрывать, но это не должно рассматриваться как наше признание компетенции Совета Безопасности заниматься этим вопросом и далее. Поскольку переговоры с Республикой окончательно прерваны и Комитет добрых услуг, к сожалению, не успел в своей задаче, то каково то положение, с которым Совету Безопасности теперь приходится считаться? По мнению нидерландского правительства, это положение представляется следующим:

Добрые услуги Комитета были приняты Нидерландами в августе 1947 года в надежде на примирение и возможность достижения соглашения. Мы воспользовались этим случаем, для того чтобы точно разъяснить, что мы поступаем так, следуя духу благожелательства и желая содействовать разрешению спора, но что мы не можем даже косвенно согласиться с тем, что вопрос этот подлежит компетенции Совета Безопасности. Несмотря на достойные восхищения непрерывные усилия Комитета добрых услуг и бесконечное терпение, проявленное нидерландскими властями, пытавшимися в течение почти трех лет достигнуть соглашения и терпевшими нарушения уже достигнутого соглашения, Комитет добрых услуг, к нашему сожалению, как я уже сказал, не достиг положительных результатов. Совету в настоящее время предстоит решить очень серьезный вопрос, именно, может ли он принимать дальнейшие меры по индонезийскому вопросу. По нашему мнению, ответ на этот вопрос должен несомненно быть отрицательным, ввиду того что Совет, согласно букве и духу Устава, не компетентен этим заниматься.

Когда 31 июля 1947 г. [171-е заседание] Совет впервые обсуждал вопрос о затруднениях в Индонезийской Республике, представитель Нидерландов категорически заявил, что Комитет не компетентен рассматривать этот вопрос, и привел три аргумента в обоснование своей позиции. Эти доводы столь же действительны сегодня, как и в прошлом году, и я поэтому хотел бы вкратце повторить их.

Во-первых, положения Устава действительны только для регулирования взаимоотношений суверенных государств. Так, например, в пункте 1 статьи 2 говорится, что «Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее чле-

нов». Нет сомнения, что каков бы ни был ее статус в настоящее время, Индонезийская Республика не является суверенным государством. Это определенно признается самим правительством Республики в первом из шести дополнительных принципов Ренвильского соглашения, которые я цитировал ранее.

Во-вторых, из этого же принципа, принятого Индонезийской Республикой, следует, что весь вопрос входит, главным образом, в область внутренней компетенции Нидерландов. Пункт 7 статьи 2 Устава гласит:

«Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако, этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании главы VII».

Этот пункт образует один из краеугольных камней Устава. Он является одной из гарантий того, что, не нарушая принятых на себя в интересах международного сотрудничества обязательств, отдельные государства, тем не менее, располагают полной властью в своих пределах. Поэтому каждый член Организации Объединенных Наций, независимо от его размеров, является, согласно положениям Устава, хозяином у себя дома.

В течение своего короткого существования Организация Объединенных Наций не всегда воздерживалась от вмешательства во внутренние дела государств-членов Организации. Но я считаю, что это чрезвычайно опасная тенденция и что чем скорее ей будет положен предел, тем лучше, ибо нельзя предвидеть, к чему она может привести. Некоторые из нас имеют чрезвычайно серьезные возражения против политики других членов Организации Объединенных Наций в отношении социальных условий, господствующих в некоторых странах, или в отношении отсутствия личной свободы в некоторых других странах. Эти возражения высказывались и в Генеральной Ассамблее и в ее комитетах. Но одно дело выражать мнение о положении в других государствах и совсем другое — принимать решения в отношении этого положения. Первое является совершенно законным и даже достойным занятием, в то время как второе, как я уже сказал, решительно противоречит положениям Устава.

В-третьих, согласно положениям Устава Совет Безопасности может принимать меры только в том случае, если существует угроза международному миру и безопасности. Ясно, что события в Индонезии, как бы печальны они ни казались, не представляют угрозы поддержанию международного мира и безопасности, согласно смыслу статей 33 и 34 Устава, не говоря уже об угрозе миру или нарушения мира, или об актах агрессии, согласно смыслу статьи 39 Устава. События, имеющие место в Индонезии, не представляют собой нарушения международного мира, а скорее нарушение внутреннего мира. Нарушение внутреннего мира, называется ли оно забастовкой, бунтом, революцией, восстанием или иначе, есть и остается делом исключительно тех членов Организации Объединенных Наций, на территории которых такие события имеют место. Подавление террора, проводимого не признающими закона элементами, контрмеры в отношении 1 100 случаев нарушения перемирия, вос-

становление порядка и безопасности в некоторых частях Явы и Суматры не образуют угрозы международному миру и безопасности.

Таким образом, разрешается также вопрос, который может возникнуть в связи с заключительной оговоркой пункта 7 статьи 2 Устава, ограничивающей пределы внутренней компетенции государств, следующими словами: «...однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании главы VII».

Поскольку не существует угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии, — необходимых условий для применения положений главы VII, — пункт 7 статьи 2 вполне применим без ограничения, содержащегося в его заключительной оговорке.

Я вполне понимаю интерес, проявляемый такими странами как Австралия, Индия, Филиппины и другими территориями в этой части мира, к делу разрешения индонезийского вопроса. Но это не дает права Совету Безопасности вмешиваться в то, что было и все еще является внутренним конфликтом в пределах Нидерландского королевства. В пользу этого утверждения я могу привести заявления многих знатоков Устава. Я ограничусь, однако, приведением лишь одного такого заявления, выбранного мной потому, что его сделал достойный представитель одной из заинтересованных стран.

Касаясь пункта 7 статьи 2 Устава, г-н Хаслук, австралиец, в своей книге *Workshop of Security* (Мастерская безопасности), появившейся в этом году, заявляет: «Я не уверен в том, что вопрос перестает относиться главным образом к внутренней компетенции того или иного государства лишь потому, что он представляет международный интерес».

Автор затем приводит следующий пример: «Фискальная политика Соединенных Штатов представляет в настоящее время чрезвычайный интерес с международной точки зрения, но все же относится к внутренней компетенции этой страны».

Автор затем критикует Совет Безопасности за то, что последний занимался рассмотрением индонезийского вопроса, не выяснив предварительно того, входит ли этот вопрос в его компетенцию.

На основании всего мною сказанного в отношении компетенции Совета Безопасности, должен заключить, что индонезийский вопрос не подлежит компетенции Совета, во-первых, потому, что Устав касается лишь взаимоотношений между суверенными государствами; во-вторых, потому, что этот вопрос подлежит внутренней компетенции Нидерландов; и, в-третьих, потому, что существующее положение не представляет угрозы международному миру и безопасности.

Эта точка зрения, высказанная в прошлом году представителем Нидерландов, не потеряла своей ценности и теперь. Когда этот вопрос был впервые поднят в Совете Безопасности [171-е заседание], он подвергся довольно длительному обсуждению, и в ходе прений определенно выяснилось, что несмотря на то, что Совет Безопасности принял резолюцию [S/454] по индонезийскому спору, этим мероприятием вопрос о компетенции Совета ни в коем случае не был ни разрешен, ни предпринят. Я надеюсь, что мне будет позволено цитировать заявления некоторых представителей в Совете Безопасности, сделанные 1 августа 1947 г. и касающиеся компетенции Со-

вета Безопасности в отношении рассмотрения индонезийского вопроса.

Представитель Соединенного Королевства заявил 1 августа 1947 г. [173-е заседание]: «Мне совершенно ясно, что ряд представителей сомневается в компетенции Совета Безопасности».

Представитель Соединенных Штатов заявил в тот же день [172-ое заседание]: «Вопрос суверенитета и вопрос компетенции Совета в настоящем случае были подняты представителем Нидерландов и, по нашему мнению, также заслуживают внимательного отношения со стороны Совета... Мое правительство после тщательного изучения этого случая быть может решит, что утверждение правительства Нидерландов является совершенно правильным с точки зрения права. В настоящее время я ничего не утверждаю и не делаю никакого заявления».

Позднее позиция Соединенных Штатов подверглась новому уточнению. Представитель Соединенных Штатов высказал ту точку зрения, что, несмотря на то что Совет Безопасности имел право издать приказ о прекращении огня, его компетенция в отношении урегулирования спора подлежит сомнению. Так, на 193-ем заседании Совета Безопасности, 22 августа 1947 г., представитель Соединенных Штатов г-н Джонсон вновь заявил:

«Делегация Соединенных Штатов считает, что нет законного основания сомневаться в компетенции Совета, поскольку дело идет об уставно-процедурной стороне индонезийского вопроса. При существующих обстоятельствах мое правительство не пожелает поддерживать мероприятия Совета, основанные на соображении, что он компетентен в этом вопросе... Однако, мы также признаем, что вполне обоснованные сомнения, выраженные несколькими членами Совета в отношении компетенции Совета в вопросе, находящемся на нашем рассмотрении, могут быть успешно разрешены с помощью консультативного заключения Международного Суда».

Представитель Бельгии сделал на 172-ом заседании заявление, которое я, если позволите, приведу по-французски, так как в подлинном французском тексте этот вопрос разбирается наиболее ясно.

Г-н ван Ройен зачитывает по-французски следующий абзац:

«Я поэтому считаю, что обсуждение того, является ли Совет компетентным, и если да, то какие дальнейшие меры следует принять в связи с проектом резолюции, находящемся на нашем рассмотрении, не представляет никакого практического интереса. Представитель Соединенного Королевства предложил оставить этот вопрос в числе вопросов, находящихся на рассмотрении Совета. Такое решение оставило бы вопрос о компетенции Совета совершенно открытым. Я боюсь также, что даже поправка, предложенная Соединенными Штатами, не может считаться утвердительным ответом на вопрос о компетенции Совета. Это соображение в еще большей степени верно в отношении поправки, предложенной представителем СССР. Как мы видим, некоторые члены Совета возражают против такого порядка и приводят против него очень серьезные доводы».

Г-н ван Ройен затем продолжает по-английски.

Позднее, в тот же день, представитель Франции заявил [173-е заседание]:

Г-н ван Ройен зачитывает по-французски следующий абзац:

«Для меня неясно, каким образом вопрос об Индонезии может быть подведен под компетенцию Совета Безопасности...»

Мы не компетентны рассматривать этот вопрос, поскольку нет угрозы миру. Происходящие на Яве и Суматре события могут представлять угрозу миру в том случае, если — считая их событиями внутреннего порядка — их отзвук вовне может повести к международным осложнениям (я не считаю, что это так и во всяком случае, поскольку нет указаний в этом смысле, я не могу, основываясь на имеющихся у меня сведениях, считать, что это так), или в том случае, если по изучении известных нам фактов мы установим, что налицо военные действия между двумя отдельными и суверенными государствами».

Г-н ван Ройен затем продолжает по-английски.

Представитель Бразилии заявил на том же заседании:

«Призывая стороны прекратить враждебные действия, мы не должны однако предпринимать те или иные вопросы по существу, ни права или обязательства заинтересованного государства».

Представитель Китая заявил 19 августа 1947 г. [187-е заседание]:

«Я надеюсь, что компетенция Совета не будет здесь более обсуждаться. Если нам предстоит принять решение по вопросу столь технического характера, я предпочитаю запросить консультативное заключение Международного Суда».

В поправке к первому проекту резолюции [S/454] по индонезийскому вопросу было предложено [171-е заседание] включить следующую особую оговорку «...ни в какой мере не предпринимая юридического вопроса о компетенции Совета Безопасности в этом отношении».

Эта оговорка не была принята, ввиду того что только пять членов Совета голосовали за нее, а остальные шесть воздержались при голосовании. Тем не менее, голосование показало, что в то время пять членов Совета твердо желали внести оговорку в отношении их позиции по вопросу о компетенции Совета, а шесть остальных членов Совета совсем не пожелали высказаться. Во всем этом деле показательно то, однако, что когда проводилось голосование по первой резолюции об Индонезии [173-е заседание], Председатель Совета заявил: «Мы не утверждаем, что Совет Безопасности компетентен или не компетентен заниматься рассмотрением этого вопроса».

Сущность этого заявления была повторена Председателем на 192-м заседании 22 августа 1947 г. Последующая командировка Комитета добрых услуг в Индонезию нисколько не изменила положения. В связи с этим вопросом я снова могу, в качестве примера, привести заявление, сделанное представителем Соединенных Штатов на 193-м заседании Совета:

«Мы рекомендуем Совету самому предложить сторонам свои добрые услуги. Такое решение по своему характеру не возбуждает вопроса о компетенции или юрисдикции Совета в этом деле. Поскольку те или иные услуги, которые Совет сможет оказать сторонам, будут оказаны в ответ на конкретную просьбу самих сторон, во-

прос о юрисдикции Совета не сможет быть поднят ни в какой стадии оказания таких услуг».

Я надеюсь, что мне не будет поставлено в укор, что я довольно подробно обрисовал отношение Совета к индонезийскому вопросу с самого начала его рассмотрения, и мне кажется чрезвычайно важным, чтобы члены Совета точно уяснили себе, что при рассмотрении индонезийского спора компетенция Совета никогда не была признана Нидерландами и никогда не была установлена самим Советом.

Все мы можем сожалеть о том, что сфера действия положений Устава Организации Объединенных Наций ограничена и что Уставом нельзя пользоваться для искоренения всех бед и зол в мире. События последних лет показали, что имеется много вопросов, даже вопросов жизненно важных для мира во всем мире, в отношении которых Организация Объединенных Наций не может принять решительных мер. Я имею в виду Грецию, Корею и берлинский вопрос. Я ни в коем случае не радуюсь неудачам Совета и недостаткам положений Устава, но я считаю, что если мы будем играть в прятки со стоящими перед нами фактами, то мы ни к чему не приходим. Если Совет в стольких случаях не мог вынести решения по вопросам, входившим в его компетенцию, то как он может сейчас пытаться решить вопрос, сущность которого не подлежит его компетенции? Неужели же члены Организации Объединенных Наций действительно считают, что престиж Совета Безопасности или Организации Объединенных Наций возрастет, если Совет примет меры по вопросу, на который его юрисдикция не распространяется? Что касается меня, то я уверен, что Совет не должен заниматься рассмотрением вопросов, выходящих за пределы его компетенции.

Мое правительство твердо придерживается того мнения, что, согласно положениям Устава, Совет Безопасности не компетентен рассматривать индонезийский вопрос. Если некоторые из членов Совета придерживаются иного мнения, то мое правительство, как и в прошлом году, готово передать вопрос о компетенции Совета на заключение Международного Суда. Мы уверены, однако, в том, что Совет, следуя положениям Устава, позволит нам восстановить порядок в территории, за которую мы все еще несем ответственность, так, чтобы суверенные Соединенные Штаты Индонезии могли быть созданы на законной и действительно демократической основе.

Я не желаю заключить мое выступление, не прибавив к нему последнего слова. Я знаю, что наши действия подвергаются критике и что наши мотивы ставятся под вопрос. Все, что я могу сказать, это — что мы выполним наши обещания. Эти обещания следующие: сперва мы восстановим действительное спокойствие в Индонезии; затем мы возможно скорее приступим к созданию независимых Соединенных Штатов Индонезии в качестве участника на равных началах в Нидерландско-Индонезийском Союзе и в качестве полноправного члена Организации Объединенных Наций. Мы будем придерживаться политических принципов, которые мы приняли в Лингаджатском и Ренвильском соглашениях, и проведем их в жизнь. Ничто не сможет свести нас с этого пути.

Заседание закрывается в 1 ч. 05 м. дня.

ТРИСТА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*Состоялось в среду 22 декабря 1948 г. в 3 ч. дня
в Палле де Шайо, Париж*

Председатель: Фернанд ван ЛАНГЕНХОВЕ
(Бельгия).

Присутствуют представители следующих стран: Аргентины, Бельгии, Канады, Китая, Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик и Франции.

Повестка дня та же, что и для 388-го заседания (S/Agenda 388).

4. Продолжение обсуждения индонезийского вопроса

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-французски): Прошу представителей Австралии, Индии, Нидерландов, Филиппин и Индонезийской Республики занять места за столом Совета.

Представитель Австралии полковник Ходжсон, представитель Индии М. Десай, представитель Нидерландов Я. Х. ван Ройен, представитель Филиппин Х. Инглес и представитель Индонезийской Республики Л. Н. Палар занимают места за столом Совета.

Л. Н. ПАЛАР (Индонезия) (говорит по-английски): Военные действия, начатые четыре дня тому назад Нидерландами против Индонезийской Республики, явились только последним шагом в выполнении тщательно разработанной нидерландским правительством программы. При просмотре докладов Комитета добрых услуг, особенно последних из них, становится вполне ясно, что политика открытого неповиновения приказам Организации Объединенных Наций, достигшая своей кульминационной точки во второй индонезийской кампании, входила с самого начала в намерения Нидерландов.

В чем же состоит та политика, которую Нидерланды так тщательно готовили и проводили в жизнь? Она состоит в преднамеренном продолжении — после подписания соглашения о перемирии с Республикой [S/649, приложение XI] — той экономической и политической войны, которую они ведут в открытое нарушение этого соглашения. Цель этой политики — попытаться удушить нас экономически и политически и завершить начатое дело при помощи второй военной кампании, начатой четыре дня тому назад.

Для проведения в жизнь своей политики удушения Республики, Нидерланды нуждались во времени, в значительном времени, так как индонезийское население Республики затаило ту же свои пояса и упорно сопротивлялось и так как население тех штатов, которые Нидерланды выкроили из территории, захваченной ими в прошлом году у Республики, не так уж охотно шло на роль марионеток при нидерландском колониальном управлении. Поэтому Нидерланды затягивали переговоры, прибегая к задержкам — в этих переговорах сознательно вызванные Нидерландами задержки достигают пяти месяцев. Третий [S/848] и четвертый [S/1085] предварительные доклады Комитета добрых услуг в Индонезии неоспоримо доказывают, что Нидерланды ответственны за пятимесячную задержку

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

АВСТРАЛИЯ

H. A. Goddard Pty. Ltd.
255a George Street
Sydney, N.S.W.

АРГЕНТИНА

Editorial Sudamericana S.A.
Alsina 500
Buenos Aires

БЕЛЬГИЯ

Agence et Messageries de la
Presse, S.A.
14-22 rue du Persil
Bruxelles

БОЛИВИЯ

Librería Científica y Literaria
Avenida 16 de Julio, 216
Casilla 972
La Paz

ВЕНЕСУЭЛА

Escritoría Pérez Machado
Conde a Piñango 11
Caracas

ГАИТИ

Max Bouchereau
Librairie "A la Caravelle"
Boîte postale 111-B
Port-au-Prince

ГВАТЕМАЛА

José Goubaud
Goubaud & Cía. Ltda.
Sucesor
5a Av. Sur No. 6 y 9a C. P.
Guatemala

ГРЕЦИЯ

"Eleftheroudakis"
Librairie internationale
Place de la Constitution
Athènes

ДАНИЯ

Einar Munksgaard
Nørregade 6
København

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Librería Dominicana
Calle Mercedes No. 49
Apartado 656
Ciudad Trujillo

ЕГИПЕТ

Librairie "La Renaissance
d'Egypte"
9 Sh. Adly Pasha
Cairo

ИНДИЯ

Oxford Book & Stationery Co.
Scindia House
New Delhi

ИРАК

Mackenzie & Mackenzie
The Bookshop
Baghdad

ИРАН

Bongahe Piaderow
731 Shah Avenue
Teheran

ИСЛАНДИЯ

Bokaverzlun Sigfusar
Eymundssonar
Austurstreti 18
Reykjavik

КАНАДА

The Ryerson Press
299 Queen Street West
Toronto

КИТАЙ

The Commercial Press Ltd.
211 Honan Road
Shanghai

КОЛУМБИЯ

Librería Latina Ltda.
Apartado Aéreo 4011
Bogotá

КОСТАРИКА

Trejos Hermanos
Apartado 1313
San José

КУБА

La Casa Belga
René de Smedt
O'Reilly 455
La Habana

ЛИВАН

Librairie universelle
Beirut

ЛЮКСЕМБУРГ

Librairie J. Schummer
Place Guillaume
Luxembourg

НИДЕРЛАНДЫ

N. V. Martinus Nijhoff
Lange Voorhout 9
s'Gravenhage

НИКАРАГУА

Ramiro Ramírez V.
Agencia de Publicaciones
Managua, D. N.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Gordon & Gotch, Ltd.
Waring Taylor Street
Wellington
United Nations Association
of New Zealand
P. O. Box 1011 G.P.O.
Wellington

НОРВЕГИЯ

Johan Grundt Tanum Forlag
Kr. Augustgt. 7A
Oslo

ПЕРУ

Librería internacional
del Peru, S. A.
Casilla 1417
Lima

ПОЛЬША

Spółdzielna Wydawnicza
"Czytelnik"
38 Poznańska
Warszawa

СИРИЯ

Librairie universelle
Damas

СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО

H. M. Stationery Office
P. O. Box 569
London, S.E. 1
and at H.M.S.O. Shops in
London, Belfast, Birmingham,
Bristol, Cardiff, Edinburgh
and Manchester

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

International Documents Service
Columbia University Press
2960 Broadway
New York 27, N. Y.

ТУРЦИЯ

Librairie Hachette
469 Istiklal Caddesi
Beyoglu-Istanbul

УРУГВАЙ

Oficina de Representación
de Editoriales
Av. 18 de Julio 1333 Esc. 1
Montevideo

ФИЛИППИНЫ

D. P. Pérez Co.
132 Riverside
San Juan, Rizal

ФИНЛЯНДИЯ

Akateeminen Kirjakauppa
2, Keskuskatu
Helsinki

ФРАНЦИЯ

Editions A. Pedone
13, rue Soufflot
Paris V^e

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

F. Topic
Narodni Trida 9
Praha 1

ЧИЛИ

Edmundo Pizarro
Merced 846
Santiago

ШВЕЙЦАРИЯ

Librairie Payot S. A.
Lausanne, Genève, Vevey,
Montreux, Neuchâtel,
Berne, Basel
Hans Raunhardt
Kirchgasse 17
Zurich

ШВЕЦИЯ

A.-B. C. E. Fritze's Kungl.
Hofbokhandel
Fredsgatan 2
Stockholm

ЭКВАДОР

Muñoz Hermanos y Cía.
Nueve de Octubre 703
Casilla 10-24
Guayaquil

ЭФИОПИЯ

Agence éthiopienne
de publicité
P. O. Box 8
Addis-Abeba

ЮГОСЛАВИЯ

Drzavno Preduzece
Jugoslovenska Knjiga
Moskovska ul. 36
Beograd

ЮЖНО-АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ

Central News Agency
Commissioner & Rissik Sts.
Johannesburg; and at
Capetown and Durban